

УДК 930(470)"20":94:327(410:4-11)"1921-1922"

Е. Н. Дубровко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

**ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ
ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье показано, что в современной российской историографии постепенно происходит преодоление сложившихся в советское время традиций интерпретации и оценки восточноевропейской политики Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы. При этом основным рассматриваемым аспектом этой политики продолжают оставаться англо-советские отношения.

Первая мировая война, повлекшая масштабные изменения в расстановке сил на международной арене, оказала значительное влияние и на ситуацию в Восточной Европе, где произошёл распад государств, существовавших в довоенное время и активизировались процессы национально-государственного строительства. Подписание мирных договоров с Германией и её союзниками не привело ни к формальному, ни к фактическому урегулированию ситуации в восточноевропейском регионе, так как крупнейшее государство региона, Россия, сепаратно от своих союзников вышедшая из войны, не была в числе их подписантов, а на территории бывшей Российской империи продолжалась гражданская война. Изменение ситуации в Восточной Европе требовало выработки политической линии в отношении этого региона прежде всего от европейских государств, в частности от лидера Антанты –

Великобритании, игравшей одну из ключевых ролей на международной арене после Первой мировой войны.

В советской историографии английской политики обозначенного времени акцент традиционно делался на изучении англо-советских отношений, при этом подчеркивался интервенционистский характер политики Великобритании. В то же время академиком В. Г. Трухановским была заложена прочная и продуктивная традиция анализа внешней политики Великобритании во взаимосвязи с социально-экономическими и внутривластными процессами [1; 2].

Современная российская историография также обращается к анализу восточноевропейской политики Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. При этом можно отметить как черты преемственности, так и элемент новизны по сравнению с подходами, укрепившимися в советской исторической науке.

Традиционно большое внимание в научной периодике, диссертационных исследованиях и вузовских учебниках уделено политике в отношении Советской России [3; 4; 5; 6; 7]. Вместе с тем, в работах, посвящённых анализу внешней политики Великобритании послевоенного времени, указывается, что для островной державы Европа представлялась прежде всего тылом Британской мировой колониальной империи [8, с. 101]. То есть, её европейская политика была производной от колониальных интересов. При характеристике собственно европейской политики 1920-х годов О. А. Аршинцева, в частности, отмечает, что европейские интересы Великобритании были сконцентрированы вокруг германской проблемы, русского вопроса и европейской безопасности [9, с. 158]. Более того, в отношении Европы к концу Первой мировой войны у Великобритании уже были свои приоритеты. Как справедливо отмечает А. М. Фомин, будущее Центральной Европы и западных областей России интересовало британское руководство в гораздо меньшей степени, чем восстановление Бельгии, эвакуация северной Франции, сохранение захваченных германских колоний, удержание Месопотамии в орбите своего влияния; важно было лишь не допустить там германского доминирования [10, с. 91].

Устойчиво сохраняется в современной российской историографии тезис о влиянии на внешнюю политику Великобритании её экономических интересов [8, с. 104; 3, с. 21; 5, с. 114; 7]. На пример, О. В. Василенкова в своём диссертационном исследовании показывает, что экономический фактор сыграл доминирующую роль в установлении двусторонних англо-советских

отношений [3, с. 21]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что современные российские исследователи чаще всего идут по пути выделения как объективных, так и субъективных факторов восточноевропейской политики Великобритании рассматриваемого времени. В частности, в работе Н. К. Капитоновой и Е. В. Романовой указано, что фактором, определившим «отношение» Великобритании к Советской России, было «идейное неприятие большевизма». Наряду с ним выделены: противоречие политики советской власти либеральным ценностям, распространённым в британском обществе, материальные потери «определённых кругов стран Запада», сохранившееся восприятие России как потенциального соперника. В качестве решающего фактора для установления отношений с советским правительством названа его «жизнеспособность». Тут же подчёркивается, что политика английского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа в русском вопросе являлась «реакцией на события, а не следованием заранее разработанному курсу» [7, с. 288, 289]. Акцент на личной роли Д. Ллойд Джорджа можно найти почти во всех современных работах российских историков, в которых анализируется политика Соединённого королевства в годы его премьерства. Так С.В. Демидов указывает, что с приходом к власти Д. Ллойд Джордж взял в свои руки формирование внешнеполитического курса страны [8, с. 102], Д. И. Портнягин допускает, что при принятии внешнеполитических решений «Ллойд Джордж чаще руководствовался интуицией, а не рекомендациями экспертов» [11, с. 164], о «персональной дипломатии» в реализации европейской политики Великобритании в 1916-1922 годах пишет О. А. Аршинцева, акцентируя внимание на психологических качествах Д. Ллойд Джорджа [9, с. 159].

Вслед за наработками советских историков сохраняется в современной российской историографии тезис о наличии разногласий в английском правительстве по вопросу о политике в отношении Советской России. Так О. А. Василенкова пишет о наличии консервативной части, возражающей против любых отношений со страной, «чья базовые принципы противоречили всем устоям британского общества», и части, «которая более разумно оценивала реальную внутреннюю ситуацию и международную обстановку» [3, с. 21]. С. Н. Ланцев убедительно показал в своём диссертационном исследовании разницу подходов либералов и тори к отношениям с Советской Россией [6]. Здесь же следует отметить, что привлечение более широкого круга зарубежной историографии позволило современным российским исследователям расширить представления

о британской позиции по вопросам послевоенного урегулирования в Восточной Европе. В частности, Д. И. Портнягин пишет о наличии трех основных групп в составе британской делегации в Париже: сторонники традиционной политики баланса сил, т. н. «Новая Европа» и приверженцы колониальной экспансии. Он показывает, что позицию британской делегации по проблеме послевоенного урегулирования в Центральной и Восточной Европе определили идеи сторонников концепции «Новой Европы», которые сводилась к признанию необходимости проведения границ новых государств, возникших на развалинах Австро-Венгрии, как можно ближе к районам этнического размежевания; они же полагали, что значительное увеличение территории Польши за счет немецких территорий только ослабит это государство. Автор отметил, что определенные на Парижской мирной конференции границы были близки к тому, что предлагалось «Новой Европой» [11, с. 168].

Следует отметить, что в современной российской историографии наблюдается несомненное преодоление абсолютизации влияния событий 1917 года в России на внешнюю политику Великобритании. Правда, в отдельных работах устойчиво выделяется (прямо или косвенно) в качестве некой рубежной точки отсчёта в истории политики Великобритании в отношении России (и даже шире – международных отношений) «Октябрьская революция». Так О. В. Василенкова пишет: «Октябрьская революция оказалась переломным событием в ходе не только отечественной и мировой истории, но и истории международных отношений. Сложившаяся к тому моменту система международных отношений была разрушена, Россия оказалась изолированной от всего мира» [3, с. 3] или выделяет период с 1918 года по 1924 год, так как «именно за эти шесть послереволюционных лет стороны прошли путь от противостояния к установлению дипломатических отношений в феврале 1924 года» [3, с. 4]. В подобном же ключе интерпретирует события А. Ю. Прокопов, считающий, что «британская политическая элита хорошо понимала, что одним из главных (если не главным) противоречием наступившей после 1917 г. эпохи являлось противоборство между западными державами и Советской Россией. Сочетание взаимосвязанных задач – укрепить безопасность Соединенного Королевства и покончить или хотя бы ослабить и дискредитировать главную антикапиталистическую силу – предопределило повышенное внимание правых сил Британии к проблеме взаимоотношений с Советской Россией» [5, с. 118]. При этом названные авторы в своих работах нивелируют значение

сепаратных переговоров России с государствами четвертного союза и подписание перемирия и мира в качестве фактора, повлиявшего на перемены в российской политике Великобритании. Несмотря на эти приведённые примеры, в современной российской историографии в качестве рубежа формирования британской внешней политики чаще всего справедливо обозначается Первая мировая война. Так С. В. Демидов, представитель сильной школы англоведов, сложившейся в РГУ имени С. Есенина на кафедре всеобщей истории и международных отношений, отстаивает тезис о том, что Первая мировая война 1914–1918 гг. стала рубежом в формировании английской внешней политики, определившим ее развитие на последующее 20-летие. Эта рубежность, по его мнению, заключается прежде всего в том, что Англия стремилась удержать плоды победы в «Великой войне» и сохранить международный мир [8, с. 100].

Также вслед за советской историографией современные российские исследователи продолжают осмысливать события интервенции. При этом на сегодняшний день единства в оценках этих событий нет. Так в учебном пособии по новейшей истории Великобритании обнаруживается следующий тезис: «Объективно планы интервенции, разработанные Великобританией, были не только направлены непосредственно против большевиков, но и имели далеко идущие геополитические цели. Фактически Лондон намеревался использовать сложное внутреннее положение России, отсутствие там твердой центральной власти для того, чтобы еще более ослабить страну, а при благоприятном для британской политической элиты развитии событий принять участие в расчленении давнего геополитического противника на востоке Европы. Соединенное Королевство явно было заинтересовано в том, чтобы не иметь на востоке Европы сильное государство, с интересами которого пришлось бы считаться» [4, с. 85]. В то же время в фундаментальном учебнике по внешней политике Великобритании признаётся, что, осуществляя интервенцию на территорию России, Великобритания преследовала цели предотвращения усиления Германии, сохранения своих позиций превосходства на море, а также укрепления подступов к своим имперским владениям и зонам своих интересов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии [7, с. 264]. Тот же «германский фактор» выделен и в уже упомянутых работах С. Н. Ланцева («Политика интервенции в отношении России рассматривалась как орудие срыва мирного договора между большевистским правительством и Германией» [6, с. 20].) и А. М. Фомина, который показывает, что «в 1918 году территория бывшей союзной державы

рассматривалась Антантой в первую очередь как театр военных действий мировой войны, и именно этой логике союзники следовали, начиная военную интервенцию. После Бреста большевики рассматривались как союзники Германии. Их свержение представлялось лишь условием для достижения иной цели – восстановления Восточного фронта» [10, с. 86]. При осмыслении событий польско-советской войны, с одной стороны, можно найти в учебной вузовской литературе тезис о разносторонней поддержке Великобританией Польши [4, с. 90], а с другой, указание на то, что эта война препятствовала ходу англо-советских переговоров, что Великобритания была вынуждена обратиться к вопросу о собственных действиях в регионе в обстоятельствах угрозы выхода Красной армии за «линию Крезона» [7, с. 294].

И последнее, на что можно обратить внимание, – в ряде работ, прежде всего научных статьях, как известно, отражающих результаты новейших научных исследований, современные российские авторы отказываются от исключительно негативной оценки результатов внешнеполитической активности Великобритании для России в 1920-х годах. В частности, д.и.н. Е. Ю. Сергеев поддерживает мнение о том, что создание и временная стабилизация Версальско-Вашингтонской системы к середине 1920-х гг. были достигнуты главным образом благодаря усилиям Великобритании [12], профессор О. А. Аршинцева также признаёт наличие конструктивных начал британской внешней политики и ее вклад в становление международных институтов современного типа, более того – лидирующую роль Великобритании в экономической и политической стабилизации в Европе в первой половине 1920-х гг. [9, с. 161–162].

Подводя итог, можно отметить, что в современной российской историографии основным аспектом восточноевропейской политики Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы, интересующим исследователей, продолжают оставаться англо-советские отношения, при этом расширение доступа к материалам Национального архива Великобритании и зарубежной историографии позволило многим авторам преодолеть традиции осмысления и интерпретации этого сюжета, сложившиеся в советское время.

Список источников и литературы

1. Лемин, И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925 / И. М. Лемин. – М. : ОГИЗ, 1947. – 488 с.

2. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

3. Василенкова, О. В. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Василенкова ; РГУ имени С.А. Есенина. – Владимир, 2007. – 22 с.

4. Остапенко, Г. С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века / Г.С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. – 472 с.

5. Прокопов, А.Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х гг. / А.Ю. Прокопов // Вестник МГИМО-Университета. – № 2 (23). – 2012. – С.112–119.

6. Ланцев, С. Н. Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. Н. Ланцев ; БГУ им. И. Г. Петровского. – Брянск, 2016. – 22 с.

7. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : «Международные отношения», 2016. – 840 с.

8. Демидов, С. В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919–1925) / С. В. Демидов // Российский научный журнал. – № 6 (13). – 2009. – С. 100–110.

9. Аршинцева, О. А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. / О. А. Аршинцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 157–162.

10. Фомин, А. М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны / А. М. Фомин // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 72–91.

11. Портнягин, Д. И. Британская дипломатия на Парижской мирной конференции 1919 г. / Д. И. Портнягин // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Сер. 6. – Вып. 3. – С. 162–169.

12. Сергеев, Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. / Е. Ю. Сергеев // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 11–12 ноября 2008 г. – Тамбов, 2009. – С. 47–50.